Академик Николай Амосов: «Я живу российскими интересами» : [по

Валерий Васильевич Есипов
Николай Михайлович Амосов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Среди знаменитых вологжан, живущих вне пределов России, Николай Михайлович Амосов — самая крупная и самая загадочная фигура. Широким слоям населения он известен как хирург и пропагандист здорового образа жизни. Но этим его деятельность далеко не исчерпывается. Многое можно узнать в Интернете, где 86-летний академик недавно открыл свой сайт. Но живое общение незаменимо. В Киеве, где почти 50 лет живет наш земляк, побывал журналист областного телевидения Валерий Есипов.

Статья из: Вологодская неделя. — 2000. — 16–23 ноября

- Есипов В

Есипов В
Академик Николай Амосов: «Я живу российскими интересами»: [по материалам беседы с Н. М. Амосовым]

Среди знаменитых вологжан, живущих вне пределов России, Николай Михайлович Амосов — самая крупная и самая загадочная фигура. Широким слоям населения он известен как хирург и пропагандист здорового образа жизни. Но этим его деятельность далеко не исчерпывается. Многое можно узнать в Интернете, где 86-летний академик недавно открыл свой сайт. Но живое общение незаменимо. В Киеве, где почти 50 лет живет наш земляк, побывал журналист областного телевидения Валерий Есипов.

Что мы знаем о современной Украине? «Воруют наш газ», «с долгами не рассчитываются», «дерутся в своем парламенте», «Крым заграбастали», «русский язык запрещают», «без Шевченко и Реброва. "Динамо" село в лужу»… Что ни говори, образ, создаваемый прессой, — негативен. И едва мы с оператором Женей Поповым сели в поезд «Москва — Киев», первое, о чем я спросил соседку, ехавшую домой: «Можно ли у вас на улице говорить по-русски? Не изобьют?» Она посмотрела на меня, как на идиота. И когда в киевском маршрутном такси мы спросили: «Как проехать на улицу Богдана Хмельницкого?», все пассажиры на чистейшем русском языке стали нам объяснять, где лучше выйти. Ощущение идиотизма сразу прошло и задышалось легко и радостно. Я вспомнил прежние приезды в Украину, вспомнил заветы классиков русской литературы от Гоголя до Бунина («Прекраснее Малороссии нет страны в мире!» в «Жизни Арсеньева») и понял, что заготовленный ответ на упрек в «москальстве»: «Мы не москали, мы — вологодские», — не пригодится…

А вологодское «о» во всей его деревенской первородности раскатывалось из уст нашего собеседника. За всю свою долгую жизнь в Киеве Николай Михайлович не только полностью сохранил диалект, но и не научился говорить по-украински. Его, не знающего государственного языка, признали недавно в Украине «человеком столетия». Лучший показатель национальной терпимости, которой нам стоит поучиться. И еще: когда в 98-ом году Амосову понадобилась срочная операция, киевский

горздравотдел и правительство Украины незамедлительно изыскали 44 тысячи дойчмарок, потребных для проведения операции в Германии.

«Не надо преувеличивать» — одна из самых любимых фраз Николая Михайловича. Он употреблял ее и когда мы говорили о политике, о положении России и Украины, и когда касались глобальных проблем, таких, как генетический потенциал той или иной нации, и когда переходили на его собственное здоровье. Последнее интересует всех — слухи об операции в Германии до нас доходили, и как он чувствует себя сейчас?

— Нормально. Конечно, молодость не вернулась, да я и не рассчитывал на это, но главное — могу вести полноценную умственную деятельность. Она и занимает основное время. У меня компьютер, который подарили друзья из института кибернетики. Занимаюсь философскими, социальными и биологическими проблемами, говоря в целом, — проблемами человека. Человек может и должен жить дольше и счастливее, чем у нас сейчас.

— «У нас» — это в Украине?

— Я не разделяю Россию и Украину. Положение в обеих странах примерно одинаковое. Украина только победнее, потому что нет своего газа и нефти. А психология людей, или ментальность, как сейчас говорят, — одна и та же. Старая советская. Социализм развратил людей, они не хотят ни работать по-настоящему, ни здоровьем своим заниматься…

Яркую иллюстрацию этому пришлось увидеть, когда мы вышли, чтобы ехать в знаменитый Институт сердечно-сосудистой хирургии, известный как «Институт Амосова». Улица Богдана Хмельницкого, где он живет, находится в центре Киева, а надо было добираться на Протасов Яр, это не близко. Был полдень. На улице стояло несколько машин — частники поджидали пассажиров. Из одной торчали ноги — шофер сладко спал на заднем сиденье, раскрыв дверцу. Вероятно, он спал бы еще долго, если бы мы его не разбудили. «А, Амосов», — испуганно пробормотал он, увидев нашего спутника, и быстро пересел за руль. Поездка стоила пять гривен. Заплатил их Амосов, продемонстрировав великодушие к гостям-землякам. Пять гривен — в переводе на российские деньги 25 рублей — для Киева небольшая сумма, но и ее горе-извозчик мог проспать. (Можно сделать вывод, что вологодские таксисты и частники пошустрее, но дерут они за проезд безбожно…).

Институт, выросший из клиники, которую создал Амосов в 1955 году, по-прежнему славится. Но все операции здесь теперь платные. Сколько? При нас обсуждалась новость: «В Москве, в

институте имени Бакулева, стали брать за операцию восемь тысяч долларов. Кошмар! Мы берем всего четыре тысячи — с иностранцев (включая русских), тысячу — с граждан Украины. Бесплатно идут только сироты из детских домов». Становится ясна одна из причин того, почему сам Амосов перестал оперировать в 1992 году, хотя еще мог. Все свои пять тысяч операций на сердце он делал, не думая о деньгах и жестоко борясь со взятками-подарками.

Бескорыстие и суровость Амосова вошли в легенду. Эти «антибуржуазные» качества всегда импонировали народу и эксплуатировались коммунистическими властями. Но Амосов, будучи и лауреатом Ленинской премии, и Героем Социалистического Труда, и депутатом Верховного Совета СССР, никогда в КПСС не состоял. И не надо думать, что он был обласкан властями — выезды за границу на симпозиумы Амосов-хирург использовал очень продуктивно, знакомясь и с жизнью, и с запрещенной литературой. «Как они живут при капитализме? Оказалось — живут. И многие счастливы», — эта «крамола» высказана еще в «Мыслях и сердце» в 1967-ом.

— Наш новый капитализм пока не работает, — говорит Николай Михайлович. — И российское относительное благополучие не надо преувеличивать. Вообще, я живу российскими интересами — и газеты читаю российские, и журналы, и НТВ смотрю. Так что в курсе всех дел. И не просто как обыватель. Я изучаю социальные процессы квалифицированно. Перспективы — не блестящие. Накопления, которые могли бы дать России нефть и газ, проматываются. А без накоплений — какой капитализм? И демократия во многом формальная. Про мораль говорить уже не буду. Западный капитализм сложился на протестантской этике, очень строгой. Честное отношение к труду, к соблюдению законов там на первом месте. Наша история такой этики не выработала…

Он сказал кое-что и еще резче. Вообще, Николай Михайлович — не дипломат, выражается прямо. Мы поспорили (как раз об особенностях национальной трудовой морали), но перед его несокрушимой научной логикой, подкрепленной и статистикой, и колоссальным жизненным опытом (он ведь вырос в северной деревне во времена нэпа), устоять было невозможно. Амосов давно и серьезно занимается биологической кибернетикой. Поведение человека, по его словам, на 70 % определяется природой, генами, тем, что впитывается с молоком матери. Гены изменить невозможно. А вот умонастроение, сознание, пресловутый менталитет изменению поддаются, хотя и не быстрому. Так что и у нас (русских и украинцев) есть шанс

избавиться от комплекса неполноценности, отсталости и находить поводы для национальной гордости не только в славном прошлом, но и в будущем.

А прогресс уже есть. Маленький, но важный штрих: в Киеве водители стали уступать дорогу пешеходам на перекрестках. Амосов отмечает это с удовлетворением. Мы тоже порадовались «европейскости» киевлян, подосадовав, что водительская вежливость в Вологде (да и во всей России — Москва подает пример) никак не прививается. Еще порадовались тому, что на центральной улице Киева — знаменитом Крещатике — в выходные дни запрещается движение транспорта и по ней можно гулять. И на этом самом Крещатике все говорят исключительно по-русски! Только когда пройдет толпа школьников-экскурсантов откуда-нибудь из-под Житомира, слышится украинская речь. Это — быт, повседневность. А нетерпимость к «москалям» — в основном прерогатива Западной Украины, и приходится признать, что географическая близость к Западу далеко не всегда превращает людей в джентльменов.

Амосов относится к этим вещам спокойно. По социологическому опросу, который он сам проводил, 57 % опрошенных граждан Украины называют русский родным языком. И большинство этих граждан между тем признают закономерность и необходимость «развода» с Советским Союзом, без всякой «ностальжи». Впрочем, «ностальжи» есть и у тех, кто получает нищенскую пенсию в 50 гривен (250 рублей), и у тех, кто легко платит 100 гривен (500 рублей) за билет на концерт звезд российской эстрады. И понятно, что у людей с разными кошельками тоска тоже разная — как и в России.

Считая, что неравенство — неизбежное зло, Амосов полагает, что не меньше 30 % доходов наши государства должны бы тратить на социальную защиту. Но это — голубая мечта, которая, мы-то уж знаем, обо что разбивается: требует кормления многомиллионная армия чиновников и просто армия, для которой то и дело находится потенциальный или явный противник. Ясно одно: ни России, ни Украине не нужны больше «великие потрясения», наелись. И то, что в Киево-Печерской лавре недавно восстановлена могила ярого противника этих потрясений Петра Столыпина, убитого в киевской опере, можно считать символом нашего согласия с упрямыми украинцами. Хотя бы в данном пункте.

О проблеме расширения НАТО на восток мы с Николаем Михайловичем, честно говоря, не обмолвились. На этот счет экспертов хватает, даже в Вологде. Кстати, называет себя Амосов не вологжанином, а «черепанином», как многие жители

Череповца. Это — точнее, потому что родился он в деревне Ольхово Череповецкого уезда тогдашней Новгородской губернии, учился в Череповце в школе, а затем в лесомеханическом техникуме. В 1932–1939 годах жил в Архангельске, учась одновременно в двух институтах: очно — в местном медицинском, заочно — в Московском инженерном. Потом вернулся в родной Череповец, начал работать хирургом-ординатором, но грянула война, и он сам пришел в военкомат. Подробности, очень откровенные, приводятся в книге воспоминаний Амосова. Одна из них: «Город жил ожиданием строительства гигантского металлургического комбината. Все это выражалось огромным лагерем заключенных»…

Война и работа ведущим хирургом ППГ — полевого подвижного госпиталя на конной тяге тоже отражена Амосовым в книгах. Ампутантов было очень много, симулянтов — очень мало. На фронте он познакомился со своей будущей женой, операционной сестрой Лидией Денисенко. Через нее пути потом и приведут в Киев, хотя оставил еще память о себе Амосов и в Москве, и в Брянске.

Тот плач, который истекает от отдельных ревнителей вологодского землячества: «Почему он не вернулся на свою родину? Почему разорвал связи с ней, пуповину отрезал?» — очень напоминает махровое крепостничество. Я в таких случаях обычно говорю: «Если бы Яшин не стал москвичом, у нас не было бы «Вологодской свадьбы», если бы Конев остался бы никольским военкомом, мы потеряли бы маршала-победителя». Есть и житейские обстоятельства, влекущие к перемене мест, есть и естественное желание лучше реализовать дар, данный тебе Богом. И надо благодарить судьбу, что Николай Михайлович не остался ординатором в Череповце, а оказался в Киеве, благословенном городе с богатейшими культурными и врачевательными традициями, где он смог так широко и многогранно раскрыть свою талантливейшую натуру — северорусскую по природе, сродни Ломоносовской. Без него там не появился бы знаменитый институт, не появился бы первый АИК (аппарат искусственного кровообращения), не были бы спасены десятки тысяч жизней. И все это надо было перечувствовать, передумать не только о спасенных, но и о каждом из тех шести процентов, которые, по статистике, не выживают после операций. Надо ли удивляться, что и собственное сердце Амосова в конце концов начало давать сбои?

В Германии ему вшили новый биологический клапан со сроком гарантии на пять лет и вставили два шунта (о шунтировании после операции Ельцина знают в каждой деревне).

И после всего этого Амосов решил продолжить эксперимент с повышением физических нагрузок, который он ставил на себе раньше. Он хочет доказать, что путь к продлению жизни лежит через большие нагрузки. И физические, и умственные.

Он каждый день по нескольку часов работает за компьютером, разрабатывая свою тему об оптимальном, гармоничном обществе. Он каждый делает гимнастику с пятикилограммовой гантелью и бегает в киевском Ботаническом саду. 6 декабря 2000 года Амосову исполняется 87 лет.

Вологодская неделя. — 2000. — 16–23 ноября